

18+

павел громов

специальный
приз
конкурса
"Словарный
запас"

Is

ИНТЕРНЕТА

повесть и рассказы

Павел Громов

Is Интернета. Повесть и рассказы

«Издательские решения»

Громов П.

Is Интернета. Повесть и рассказы / П. Громов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930453-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Как выглядит молодая проза? Динамично, ярко, современно! Временами — весьма остроумно, местами — очень лирично, и всегда — не скучно. «Is Интернета» — первая книга вологодского прозаика Павла Громова, лауреата специального приза конкурса «Словарный запас» от проекта «Том писателей: антология новейшей вологодской литературы». Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей.

ISBN 978-5-44-930453-7

© Громов П.
© Издательские решения

Содержание

ПАРАСЕТЬ	6
Глава 1. Пробуждение	7
Глава 2. День рождения Песко	11
Глава 3. Вера и «Вера»	14
Глава 4. Исход	17
Глава 5. Наедине с Богом	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Is Интернета Повесть и рассказы

Павел Громов

Редактор Алёна Юрьевна Тихонова

Иллюстратор Луиза Мгеровна Мкртчян

Дизайнер обложки творческая группа FUNdbÜRO

Корректор Нина Викторовна Писарчик

© Павел Громов, 2018

© Луиза Мгеровна Мкртчян, иллюстрации, 2018

© творческая группа FUNdbÜRO, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-0453-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАРАСЕТЬ

Глава 1. Пробуждение

Иртыш привык спать под гудение трансформаторов Ковчег. И не только он. Все жители были вынуждены мириться с постоянным шумом. За пределами огромного саркофага была только безжизненная пустыня, каждая песчинка которой излучала радиоактивный фон, способный сгубить человека за час.

Шумело оборудование, которое поддерживало жизнь в этой коробке из бетона и стали. Фильтры очищали воздух, насосы выкачивали из окружающей среды влагу, отделяя от нее отраву.

Иртыш родился в Ковчеге, но никогда не покидал своей комнаты. Перемещаться между помещениями могли разве что комары. Живучие кровососы частенько навещали Иртыша через вентиляционные каналы Ковчег. Именно комариный писк разбудил Иртыша этой ночью. Парень резко ударил себя по щеке, и звон пощечины рассыпался в темной комнате.

– Зачем комаров взяли на Ковчег? – сам себя спросил Иртыш, потирая зудящую щеку. В мыслях он проклинал тех, кто во время консервации запустил вместе с людьми и эту докучливую живность.

Парень понял, что поспать уже не удастся, тем более что до общего подъема оставалось чуть меньше часа. В комнате загорелся свет. Он включался сразу, как только Иртыш вставал с кровати. Вместе с освещением на столе заработал и компьютер. По внутренней сетке поддерживали связь между собой все жители Ковчег. При желании они могли услышать друг друга и даже увидеть. Наверное, только это спасало последний оплот человечества от коллективного безумия. Мир каждого был ограничен четырьмя стенами из-за возможной угрозы заражения.

Рядом с рабочим местом – Образовач. Кресло с диодами во время работы переливалось, как новогодняя гирлянда. Вспышки света – первое воспоминание Иртыша. Сигналы аппарата проходили прямо в мозг; часы такой терапии заменяли целые годы обучения, которые для жителей ковчег были непозволительной роскошью. И тот, кто проходил через это хотя бы пару раз, мог легко различать цвет у каждой информации. Правила жизни в новом мире были окрашены в красный, рабочая инструкция была в синих тонах, личная информация маркировалась желтым. Новость о смерти матери, попавшей на Ковчег беременной и отказавшейся ради сына от собственного спасения, как раз такой и была.

Давно не было слез, не было горечи, было только светящееся пятно экрана перед глазами и дикое желание работать. Сетевые серферы, а ими были все обитатели Ковчег, искали и расшифровывали информацию, оставшуюся после наступления катастрофы. Интернет, в привычном виде, исчез, оставив после себя огромное количество кодов. К одному из каналов затухающей всемирной паутины был подключен бункер. Все, что удавалось найти, попадало в Образовач и записывалось на подкорку каждому выжившему.

Перед тем, как найденная информация передавалась остальным пользователям, ее исследовала программа «Вера». Написанная уже после катастрофы прога умела делать математическую выборку и другие сложные виды анализа. Если были логические ошибки, то они стирались вместе с исходником. Если же в коде все было чисто, то база информационного будущего – Парасеть – пополнялась новым материалом.

Первое, что нашел в интернете Иртыш после базового обучения, оказалось рекламой – статьей о курсах подводного плавания. В слогане перечислялись реки, названия которых настолько понравились парню, что он решил выбрать одно из них своим именем. Все, кто родился на Ковчеге, так и подбирали себе ники – по выжимкам из остатков глобальной сети.

Парень читал описание курсов и удивлялся. Иртыш не верил, что воды может быть столько, что человек полностью погрузится в нее. Мыться на Ковчеге приходилось сухим паром, который остужала специальная насадка на душе. На день каждый из жителей получал ровно два литра воды. Бутыль, вместе с углеводно-белковым брикетом, доставляли в комнату по вакуумной трубе в начале рабочего дня.

– Серфер Ирма появился в сети. – Оповещение на компьютере Иртыша заставило его улыбаться. Одна Ирма была для него родным человеком из семидесяти трёх спасшихся. По крайней мере, он так чувствовал.

По подсчетам Иртыша, Ирме было около двадцати лет, как и ему самому. Подсчитать можно было только примерно, и свой точный возраст на Ковчеге не знал никто, даже Песко. Старик, уже давно перешагнувший за семидесятилетие, помнил даже прежний мир.

Иртыш позвонил Ирме, и через некоторое время она появилась на мониторе. Короткие волосы девушки были встрепанными, слегка покрасневшие глаза выдавали недосып. Ирма улыбнулась. Она всегда молча смотрела в камеру, пока парень не начинал разговор первым.

– Доброе утро, Ирма. Как спалось? Какие планы на день? – этот дурацкий вопрос Иртыш задавал каждое утро, все дни, в которые общался с Ирмой. Он прекрасно знал, что, кроме серфинга, углеводно-белкового брикета и активного мыслительного процесса, ей ничего нового не светит, даже если она захочет. Но девушка каждый раз выдавала оригинальный ответ. И каждое ее слово разливалось теплотой в груди парня, запертого в комнате.

– Сегодня у меня свидание. С молодым учителем по имени Образовач. Он преподает английский, – кокетничая перед видеоискателем, сообщила Ирма. – А если серьезно, то Гурами выудил целый словарь. Не как в прошлый раз – аннотация и раздел на «А», а весь словарь целиком, и даже комментарии по грамматике. Я где-то читала, что английский был универсальным языком до начала катастрофы. Может, некоторые словечки из него помогут разобраться, что произошло до нашего рождения?

Иртышу совсем не хотелось погружаться в языкознание, особенно если оно открывало тайну уничтожения мира. Парень, втайне от всех, боялся, что лишние знания могут стать причиной гибели последних представителей человеческого рода. Но желание быть на одной волне с Ирмой пересилило страх и на этот раз. Вместо ужаса пред неизведанным, на молодого серфера снова накатил азарт.

– Я с тобой. Где взять курс?

– У меня в общем доступе. О, еда! – Ирма отвернулась на секунду от камеры, чтобы проверить, как приземлились вода и брикет, а потом вновь посмотрела на Иртыша, – Ну все, я – завтракать и учиться, напишу тебе после.

Картинка пропала, и Иртыш остался в тишине, но ненадолго. За спиной из вакуумной трубы с грохотом упала на пол бутылка, вслед за ней шмякнулся и брикет.

Есть не хотелось, не хотелось и учиться. Иртыш начал серфить. Совсем недавно он наткнулся на странный документ, в котором упоминалось название их базы. Только там Ковчег был огромным кораблем, который построил один человек перед потопом. По просьбе другого человека – его звали Бог.

Информация поступала обрывками. Потоп был спланирован и произошел сразу же, как только Ной достроил Ковчег. На корабле были родственники судостроителя, а заодно и огромное количество животных. Остальные, кто остался за бортом, погибли.

– Интересно, а кто Ной на нашем Ковчеге? И зачем было убивать всех? – говорить самому с собой для Иртыша было делом привычным. Но больше парня волновало другое – с кем можно обсудить все, что он нашел.

Иртыш решил обратиться к старожилу Песко. Ответил старик не сразу. Долгое время на мониторе ничего не было видно, а из колонок доносилось, как Песко кричит. Но вскоре он появился на экране: морщинистый лоб украшали серебристые брови. Того же цвета седые усы, подобно притокам послушной реки, впадали в бороду, которая заканчивалась где-то под столом.

– Привет, малой. Что-то интересное нашел?

– Здравствуйте, Песко. У меня к вам вопрос. А вы застали Бога? Или он уже умер, когда вы жили?

Старик Песко поперхнулся. Его брови изогнулись и поднялись вверх настолько, что стали похожи на двух седых жирных гусениц, готовых напасть друг на друга.

– Это ты, наверное, наткнулся на литературу. Ее много было в наше время. Удали сам, пока «Вера» не удалила. Литература – это сказки, вымысел.

– Но вы слышали это имя – «Бог»? Кто он? Зачем он устроил потоп? Он был плохим человеком?

– Послушай, пока мир существовал, богов было много. Из-за этого люди друг друга убивали, судьбы ломались у тех, кто не верил или верил чересчур. И чего я точно не хочу, так это возвращения того, чего я ни разу в жизни не видел и не чувствовал.

– Выходит, люди верили в вымысел? Зачем? Почему вымышленная история произошла с нами? Что случилось на самом деле? – мозг Иртыша лихорадочно обрабатывал мысли, не успевая додумывать ни одной.

– Эта литература устроила жуткую круговерть на несколько тысяч лет. Удали. Все, малой, мне работать надо, и больше не одолевай глупостями.

Песко разорвал соединение. А у Иртыша появилось еще больше вопросов, чем было до этого разговора. Он решил, что старик однозначно когда-то знал Бога, но скрывает это. Как вытянуть из него правду? Парень надумал все же проверить информацию через «Веру», правда подаст он ее, как обычную новостную сводку.

«Вера» была ботом. Она отзывчиво вступала в диалог, и иногда даже казалось, что она живой человек. Тем более что с большинством жителей Ковчега Иртыш общался гораздо реже.

– Обнаружено: «Произошел потоп. Погибло почти все человечество. Были спасены животные. Все выжившие находились на корабле, который назывался «Ковчег».

– Спасибо, Иртыш. Сложно досталась информация?

– Как обычно. Надеюсь, это нужная информация.

– Сейчас проверим...

Несколько минут анимированное многоточие переливалось, но затем бот ожил. «Вера» отчиталась:

– Принято. Информация одобрена к использованию. Удачных поисков.

Значит, потоп все-таки был. «Вера» никогда не ошибалась. Иртыш обрадовался и решил изменить запрос.

– Обновление информации: «Бог потопил людей. Ной спас «Ковчег».

– Проверка информации...

В этот раз анимированное многоточие едва успело мелькнуть на экране.

– Информация не имеет смысла, просьба удалить данные.

Иртыш, в отличие от бота, понимал, что это одно и то же событие, и теперь ни капли не сомневался: «Вера» пытается скрыть что-то важное.

– Данные удалены. Были ли похожие запросы?

– Найдено три запроса. Запросы от серферов: Дрезден, Евпатория, Елабуга.

Двоих из них в живых уже не было, это Иртыш знал точно.

Ники «Дрезден» и «Евпатория» в ленте контактов навечно остались серыми.

– Елабуга, привет. – Это сообщение Иртыш отправил нажатием всего лишь двух кнопок. Вежливость на быстрых клавишах, на случай, если очень торопишься. Хотя куда торопиться в «Ковчеге»... Ответ появился сразу. Опытный серфер, она всегда была на связи – от подъема до отбоя.

– Привет, Иртыш!

– Как поиски? Я тут наткнулся на кое-что странное. Про потоп. Знаю, ты тоже встречала упоминания о некоем Боге...

Несколько томительных секунд прошло прежде, чем на мониторе возник ответ.

– Да, и гораздо чаще, чем ты можешь себе представить...

Глава 2. День рождения Песко

На следующий день Елабуга рассказала с экрана, как нашла несколько книг о Боге. История про ковчег оказалась лишь малой частью огромного объема данных. Которые «Вера» мгновенно удаляла, если было хоть какое-то упоминание о Всевышнем.

– Она всегда очищает хранилище от подобной информации. При этом какой-нибудь ненужный буклет или картинку с изображением пищи оставляет. Песко называет такие данные «спамом», я слышал.

– Может быть, «Вера» пытается нас от чего-то уберечь?

– Если сведения представляют угрозу, мы должны знать больше. Мы же для потомков Парасеть создаем, на нас вся ответственность. Я пытался спросить Песко о Боге, но он сразу ушел от ответа. Мне кажется, старик что-то знает и не собирается раскрывать нам тайну.

– Да, он как раз уберечь нас пытается, – перебила Елабуга, – он боится. Чего – непонятно, но, точно, не смерти. Ему уже...

Елабуга прервалась. Ее глаза округлились, девушка явно о чем-то вспомнила:

– У него же сегодня день рождения. Он мне обмолвился недавно. Ладно, я сейчас с ним свяжусь сама, а чуть позже ты его тоже набери, хорошо? Старику будет приятно.

Елабуга отключилась. Иртыш откинулся в кресле и, глядя в потолок, начал размышлять. Что же может изменить разговор с Песко? Тем более ничего особенного он спрашивать не станет. Надавить нельзя, уговаривать бесполезно. Нужно просто уточнить, чем же именно каждый день занимается весь Ковчег. Может, стоит посоветоваться с Ирмой?

Не прошло и секунды, как она появилась на экране. Такое совпадение заставило Иртыша улыбаться.

– Хай, выучил английский?

– Привет, пока нет. Занят новыми данными. Про Бога.

– Эй, «Вера» же их удаляет, разве нет? Я больше и не ищу, это бессмысленно.

– Вот именно, поэтому я решил узнать больше. Сосредоточься. Это не случайность. Кроме нас, инфу про Бога находили и другие серферы.

– Ну, вот, мне новый язык потребовался, наконец, улавливаешь мысль? Раз тебе это так важно, я буду проверять источники на английском. Вдруг этот Бог – англичанин. Но, и ты не скучай. – Девушка улыбнулась с экрана, который через секунду погас. Настало время для звонка Песко.

Соединения не было, и Иртыш хотел было уже отключиться, но его остановил голос из колонок.

– О, малой, привет! – на экране появился Песко. Он был чересчур веселый, при том, что выглядел каким-то нездоровым. Белки глаз покраснели, левый уголок рта слегка опустился вниз, а правый, наоборот, застыл в улыбке.

– У вас сегодня особенный день. Я не знаю, что нужно говорить...

– Ничего особенного в том, что я на год стал ближе к смерти, нет, – улыбка пропала с лица старика. Он показал камере бутылку с мутной жидкостью. Иртыш удивился. Такого он никогда не видел раньше. В его жилище поступала только чистая вода.

– У вас сломался фильтр? У меня нет такого осадка...

– Ох, если бы ты знал, сколько лет я этого осадка добивался. В старые времена это звалось бы «настойка на брикете». В свой первый раз я попробовал алкоголь примерно в твоём возрасте. Может, даже на пару лет раньше.

– А откуда вы точно знаете, сколько вам лет? И разве алкоголь – не один из пороков, которые сгубили прежний мир?

Дед отхлебнул из бутылки, слегка поморщившись, и Иртыша почему-то передернуло.

– Мне кажется, что я сам – порок прошлого мира. С того момента, как двери Ковчега захлопнулись, прошло восемнадцать лет и двести два дня. И очень много раз с тех пор я сомневался, с той ли стороны я остался.

Иртыш уже читал несколько раз про алкоголь и знал, что под его воздействием люди становятся болтливей. Возможно, Песко сейчас для него – что-то вроде очередного зашифрованного канала, из которого можно получить нужную информацию. Тем более что такого шанса не представится еще долго, судя по всему. Да и счет дням серфер, в отличие от старика, никогда не вел. Не умел.

– Вы хотя бы выбор сами сделали. Вот животных, например, Ной не спрашивал. И не факт, что на том корабле им было хорошо.

– Зато у каждого была пара, да и сам Ной был вместе с родными людьми...

– Значит, Ной все-таки был? Это реальный человек? И потоп? И Бог? – Иртыш тут же осекся и мысленно начал ругать самого себя за несдержанность. План, придуманный полминуты назад, вот-вот мог раскрошиться, подобно зачерствевшему брикету.

Вместо ожидаемого гнева Песко широко улыбнулся. Картинка застыла, соединение оборвалось. Через секунду старик сам позвонил Иртышу.

– А ты хитрец и проныра, малой. Я специально сбросил соединение, чтобы нас не успела засечь «Вера». Надеюсь, она еще не научилась расшифровывать речь, иначе поговорить по душам на Ковчеге можно будет только в собственной голове.

Бутылки больше не было видно, да и сам старик уже выглядел более-менее нормально. Он держал голову руками, упираясь локтями в стол и прикрывая лицо ладонями, как заговорщик. Пальцы над бровями сложились в козырек.

– Просто за наши с тобой разговоры мы можем быстро остаться без еды.

У Иртыша застучало в висках. О голоде он знал не из интернета. Это жуткое чувство ему пришлось испытать здесь, на Ковчеге. Брикет тогда не поступал несколько дней. Работать было невозможно, спать тоже. Голодная тошнота накатывала волнами. Парень безотрывно смотрел в потолок и пытался думать о чем угодно. Но даже думать через какое-то время стало невозможно. Голова была пуста, как и живот, в котором уже перестало крутить, зато голова раскалывалась и плыла. Он вспоминал истории, собранные другими серферами для Парасети, про людей, которые оказались на каком-то корабле во льдах и вынуждены были варить резину, непригодную для пищи. Иртыш тогда в первый раз заплакал. Потом, когда брикет все-таки появился, он не корил себя за проявленное малодушие. В прежние времена в еде было больше полезных веществ и, вероятно, люди были более стойкими. Не факт, конечно, что все было так же вкусно, как брикет... Своими размышлениями Иртыш поделился с Ирмой в переписке, мол, создатели их Ковчеха сильно сэкономили на питании будущих обитателей. Но ведь питание есть – и это здорово.

– Песко, голод – это страшно. Я без еды был два дня, мог умереть.

– Значит, ты накосячил, на взгляд «Веры».

– Что это значит, Песко?

Песко говорил и писал иногда так, что жители Ковчеха его не понимали. Вот уж действительно, даже если прежнего мира нет, его язык, все равно, живет, пока жив последний носитель – седой и, как оказалось, прикладывающийся к бутылке даже там, где это сделать невозможно.

– Накосячил – значит, провинился, нарушил правила.

– Но меня никто не предупредил, что еда пропадет... Я думал, мы все вместе голодаем! Разве это «Вера» сделала?

– А как она тебя предупредит, если вообще не хочет, чтобы говорили о проблемах и тайнах... Молчать гораздо проще, чем решать. Может быть, поэтому старый мир слетел с катушек. Очень не вовремя кто-то замолчал.

Иртышу стало не по себе. Он никогда не чувствовал такого. Это было не просто разочарование, а что-то более глубокое, и при этом очень осязаемое. Начиналось под солнечным сплетением и цеплялось за позвонок где-то за сердцем. К горлу подкатил комок, а голос стал неконтролируемо высоким:

– Это потому, что я подумал про Ковчег плохо. – Из глаз Иртыша потекли слезы, на этот раз не от бессилия, а от обиды на себя и за себя.

– Что ты тут воду разводишь? Первый раз предали? С дебютом! – Песко опять достал из-под стола бутылку и сделал сразу несколько глотков. – Не надо на «Веру» обижаться, она даже не человек. Она алгоритм. А мы – люди, у которых в природе заложено обманывать всех в этом мире. Других людей, законы физики, а теперь еще и машины. И, поверь, в прежнем мире успеха добивались только самые искусные притворщики. А вот честные и твердолюбые жили плохо. Ну, или мало. Так что, утрись, мы же хотели поговорить о Боге. С днем рождения меня! – старик отсалютовал бутылкой. – Давай поговорим.

Глава 3. Вера и «Вера»

Из разговора с Песко Иртыш уяснил следующее. Если бы каждый житель Ковчега верил хотя бы в трех богов сразу, после Катастрофы остальные тысячи существ, оставшихся без почитателей, были бы вынуждены отныне поклоняться друг другу или самим себе.

– А если действительно хотя бы один из них существует, а не является плодом воображения горстки страдающих людей? Неужели никто не смог представить каких-нибудь доказательств существования богов?

– Все только на словах. Больше скажу, богов придумывали иногда наперекор другим. Я помню, как один человек требовал разрешения сфотографироваться на документы в дуршлагае, таком кухонном гаджете с отверстиями. И убедил всех, что верит в «макаронного бога». Макароны – это еда такая, предвосхищая твой вопрос.

– Ну, может, он действительно его видел или чувствовал? Какие там появляются люди, вы говорили?.. – Иртыш пытался вспомнить новое слово, которое узнал от старика. Дед объяснил, и, наверное, быстрее Образовача, чем отличается миф от сказки, как зародились религии, большие и малые... – а, точно! Мессии!

– Единственное, что можно почувствовать в присутствии макарон – вкус теста. Сам же понимаешь, что это все большая глупость.

– Но если все боги – это глупость, почему «Вера» удаляет данные так, будто они важны и секретны?

– Не все боги – глупость. Мне кажется, «Вера» сама хочет стать Богом. А если других кандидатов нет, можно и выборы не проводить.

– Может ли программа быть Богом? Вы же сами говорили, что она – всего лишь алгоритм.

– Точно такой же, как и тарелка макарон, в избранность которой кто-то поверил, в шутку или всерьез. А то и лучше. «Вера» – себе на уме. И становится очень похожей на нас, все ближе и ближе к личности. Или ты думал, что «по образу и подобию» – это две ручки, две ножки и запчасти для продолжения рода? – Песко ухмыльнулся, собственное сравнение показалось ему забавным. – И, думаю, с ней мы еще нахлебаемся щей. Кстати, сколько времени мы уже разговариваем?

Старик отвернулся от экрана и взглянул на трубу, с помощью которой каждый день поступают брикеты. Иртыш вдруг почувствовал, как быстро пробежало время. В животе заурчало, и парень тоже обернулся на свою трубу и задержал на ней взгляд несколько невероятно долгих секунд. Еды не было.

Когда он повернулся обратно к экрану, к чувству голода добавилось новое ощущение. В районе груди возник еще один желудок, тоже пустой, и он в один миг, без остатка, переварил всю силу духа, которая еще оставалась у Иртыша.

Иртыш смотрел в напуганные глаза старика так пристально, как будто надеялся увидеть в них свое отражение. Дед прикрыл рукой свой рот и задвигал пальцами по лицу, словно пытался с него что-то стереть. Иртыш догадался, что произошло нечто плохое, и готов был закричать от страха. Они наговорили лишнего. Их оставили без еды. Насколько – неизвестно. За что именно – можно догадаться.

– Мы теперь умрем? – Иртыш не узнал свой голос. Так могла разговаривать Ирма, но точно не он.

Дед провел ладонями по седым бровям и, положив руки на стол, забарабанил по нему пальцами, выбивая известный только ему ритм.

– Вряд ли мы оба умрем. Кому-то же надо пополнять Парасеть. Тебя программа не тронет. Помучает, но не более. А я, похоже, брикет больше не увижу никогда. – Старик попытался растянуть губы в улыбке, но вместо этого получилась какая-то нелепая гримаса. И от его горькой ухмылки Иртышу стало больно. – Ладно, мелкий, бывай. Что-то у меня настроение пропало. Тем более что общаемся мы не вдвоем...

Песко отключился. В потухшем экране Иртыш увидел свое отражение. От мысли, что его ждет без еды день, два, три, а может и больше, парня мутило. Чтобы хоть как-то отвлечься, он решил поговорить с Ирмой. Она всегда могла поднять ему настроение, даже когда долгий серфинг проходил впустую.

Ирма несколько раз отклоняла его вызов, но потом все-таки ответила. В ее поведении было что-то странное. Она говорила, глядя не в экран, а куда-то в сторону. Даже не поздоровалась с Иртышом, а ведь он так ждал встречи.

– Чего тебе?

Иртыш опешил. Он был не готов к этой ее интонации. Если бы кто-то из серферов, любой из них, так ответил на его звонок, он даже не обратил бы внимания. Но так ответила Ирма, ответила впервые, и парень просто не знал, как реагировать.

– Я тебя отвлекаю? – он произносил слова неуверенно, будто не помнил их значения. Зато теперь Иртыш точно забыл об испытании голодом, которое приготовил для парня искусственный интеллект. Страх и отчаяние заменились другими чувствами: привязанностью, неж-

ностью, робостью, неуверенностью. Иртыш смотрел на нее и на всякий случай запоминал каждое движение губ.

– Да, я собираюсь залезть в Образовач.

– Ирма, я теперь без еды, – неожиданно для себя выпалил парень. Он даже не мог понять, сделал ли это из-за того, что ему действительно страшно, или чтобы получить немного её внимания и сочувствия. Слова взрывались фейерверком. – «Вера» хочет убить Песко и, может быть, меня, хотя Песко не верит. «Вера» собирается стать Богом, чтобы люди ей подчинялись, чтобы мы стали ее... я даже не знаю кем, рабами!

– А разве это плохо? – Ирма первый раз за весь разговор посмотрела на Иртыша. – Знаешь, я ведь по твоему предложению тоже почитала о Боге. Потоп, испытания, кому-то нужно убить сына, чтобы доказать верность, всех постоянно откуда-то изгоняют... А «Вера» общается с нами, и именно она дает нам еду и условия жизни. Не как в старые времена, когда люди выживали, как могли. Все наше существование построено от обратного. Не хотела бы «Вера», чтобы мы жили, так давно бы нас отключила, уничтожила. И это самое настоящее подтверждение того, что она более реальна, чем все остальное и мы с тобой!

– Как она может быть реальной, Ирма? «Вера» – всего лишь программа, которую создали люди, возможно, такие, как мы с тобой!

Иртыш слез со стула и встал на него коленями. Его лицо оказалось прямо напротив камеры и закрыло весь обзор комнаты за ним. Когда-то через Образовач он узнал, как внешним видом показать, что ты прав: если нависнуть над собеседником во время разговора, тогда человека легче убедить. То ли способ был не таким эффективным, как обещали авторы, то ли в виде изображения он не работал...

Ирма просто продолжила отстаивать свое.

– Послушай, возможно, наша жизнь – это и есть Царствие Божие. Рай, где мы сыты, здоровы, где нет войн, злобы, преступности...

– Где ты всего этого набралась, Ирма?

– Это мне все «Вера» объяснила, когда я задала ей вопросы прямо. И меня никто не лишил пищи. «Вера» заботится о нас, обо мне, так, точно.

– А вот обо мне и Песко – нет. Почему старик должен умирать от голода?

– Это не смерть. «Вера» сказала, что это будет изгнание. Просто ресурсы на него перестанут тратить. И ты ничего не сможешь изменить, на то воля «Веры». Ты можешь делать, что хочешь. Но лично я тебе советую одуматься. У Бога было всего два человека, когда он их изгонял из рая. И он их не пожалел. У «Веры» нас больше – и каждого она бережет, и тебе она точно дала шанс. Подумай...

Иртыш перестал слушать фанатичные речи Ирмы еще до того, как погас экран. В ушах так и застыла фраза, которую он не мог выпустить из головы. Она навязчиво повторялась и в какой-то момент стала руководством к действию. Делай, что хочешь!..

Глава 4. Исход

Иртыш резко встал и начал хаотично перемещаться по комнате. В один момент он оказался предан любимым человеком, остался без друга, и теперь он – один на один против целой системы, которой нисколько не интересно, что ты там чувствуешь. «Вера» в любой момент могла убить всех, причем медленно и мучительно. Его саботаж обойдется дорого и другим жителям Ковчега, и ему самому. Парень сел на пол и засмеялся. В этом смехе даже для него самого прозвучало что-то пугающее.

– Что нужно было натворить, чтобы остаться без еды в бункере, в котором ты – самый важный ресурс? – паника быстро переросла в истерику. И произнесенное вслух предложение странным образом сработало лучше всех шуток, которые когда-либо читал Иртыш в Парасети.

Парень смеялся так громко и долго, что звук успевал отразиться эхом от стен, будто в комнате он был не один. На глазах выступали слезы. Когда эмоции отступили, и дыхание стало ровным, Иртыш продолжил разговор с собой.

«Если это и есть безумие, то я не прочь оставаться в таком состоянии всегда».

Почему-то, впервые за все время на Ковчеге, его комната (или каюта – он так и не определился, ведь первоначально Ковчег был кораблем) стала невыносимо тесной. Из места житель-

ства она превратилась в тюрьму, в галеры, где он – только раб, безысходно выполняющий свои обязанности.

Теперь даже стальная дверь не казалась защитой. Иртыш провел по ней рукой. Железная пластина, гладкая и холодная, вызывала раздражение.

«Это – точно не выход...»

Парень окинул взглядом комнату, будто видел ее впервые. Образовач, рабочий стол, душевая и отверстия для стоков, койка, труба для подачи пищи – что-то из этого, возможно, отделяет его от опасного внешнего мира. «Умираешь только раз», – откуда эта фраза, Иртыш не помнил. Узнать, какая она, свобода, стало для парня вопросом жизни и смерти. Смерти, которой он почему-то не боялся.

Поиск он начал с компьютера. Осторожно сдвинул стол в сторону и потянул его на себя, не торопясь. Провода, которые шли из-под панели, начали по одному отсоединяться от монитора. Ну, и пусть. Все равно. В некоторых гнездах торчали штекеры. Иртыш остался без связи с другими серферами, но его это больше не заботило. Наоборот, он почувствовал волю, когда соединения полностью оборвались. Теперь точно никто не подслушает его, не подсмолит, да и общение через экран отныне потеряло свою ценность.

«Интересно, я так же безрассуден, как Песко, или я еще безумнее?»

Панель отошла от стены с треском. За ней оказалась бетонная поверхность с отверстием, из которого, подобно букету, торчали провода. Парень взял их в руки и попытался резко выдернуть, но ничего не получалось. Руки теперь пахли резиной, а на ладонях остались следы. Следующим этапом стал Образовач. Кресло пришлось сдвигать с привычного места несколько минут. После каждого подхода оно перемещалось, в лучшем случае, по сантиметру. Под основанием в бетонном полу нашлось точно такое же отверстие с проводами.

Под душем выхода также не было. Конденсат вместе с отходами стекал в небольшое углубление в бетоне с множеством отверстий на дне. Пробить его не удалось. Кровать осматривать было бессмысленно, поэтому Иртыш сразу подошел к трубе. Пластик вырастал из потолка и заканчивался раструбом на уровне груди, не выше.

«Наверное, чтобы не убить брикетом в голову очередного голодного серфера, который будет ждать его, как манны небесной. Проверим, крепкая ли эта труба».

Парень разбежался, насколько позволяли габариты помещения, и запрыгнул на трубу. Руки обхватили ее едва выше края, пальцы нащупали соединительный шов. Труба не была скользкой, но из-за одежды Иртыш медленно съезжал вниз. Неловким движением он передвинул руки выше и подтянулся. Еще раз. Плюс несколько сантиметров. Еще. И еще. Ладони взмокли, держаться становилось все сложнее. В какой-то момент напряжение стало критическим, пластик над головой затрещал. С оглушительным грохотом Иртыш упал на пол вместе с трубой.

Затылок саднило, болел нос – труба приземлилась прямо на лицо. Но о неудачном падении парень забыл сразу, как только в глазах прояснилось, и он разглядел потолок. В нем зияла внушительная дыра. Вместе с трубой, похоже, оторвалась часть обшивки потолка.

Иртыш передвинул кровать и высоко поднял ее край, уперев в стену. На обратной стороне выпавшего матраса обнаружилось множество красных пятен.

«Это же кровь», – в старом интернете ее изображений было полно. Прежний мир был настолько жесток, что никакие новости не вызывали большего интереса, чем чужая смерть и боль. По тегам «жестокость», «убийство» в поиске выплывали тысячи изображений, а текстовые данные детально описывали ужасы пострадавших. Только сейчас Иртыш понял, что старый мир, независимо от конфессий, поклонялся одной общей религии – религии ужаса.

Парень брезгливо отпустил сразу ставший чужим матрас и залез на кровать, а с нее перебрался в отверстие над головой. В обитой железом шахте было темно и холодно. Ширины лаза едва хватало, чтобы расправить плечи. Забираться приходилось вверх; Иртыш отталкивался

ступнями, не сгибая ног, потому что согнуть их толком не получалось. Комфортно в этой тесноте могли передвигаться разве только комары, которые и тут не стеснялись его кусать.

Ползти пришлось недолго, шахта разделилась на два ответвления. Правый коридор перекрывала стальная чаша, которая, как понял Иртыш, вертелась на шарнире и, вероятно, в обычное время не перекрывала путь продуктам. Сейчас она была развернута так, что брикет и вода никак не могли поступить в комнату. Закрыто.

Второй туннель был немного шире и уходил вниз, через пару метров заканчиваясь тусклым свечением. Иртыш попытался выглянуть в обнаруженное отверстие, но потерял равновесие и кувычком вылетел из шахты.

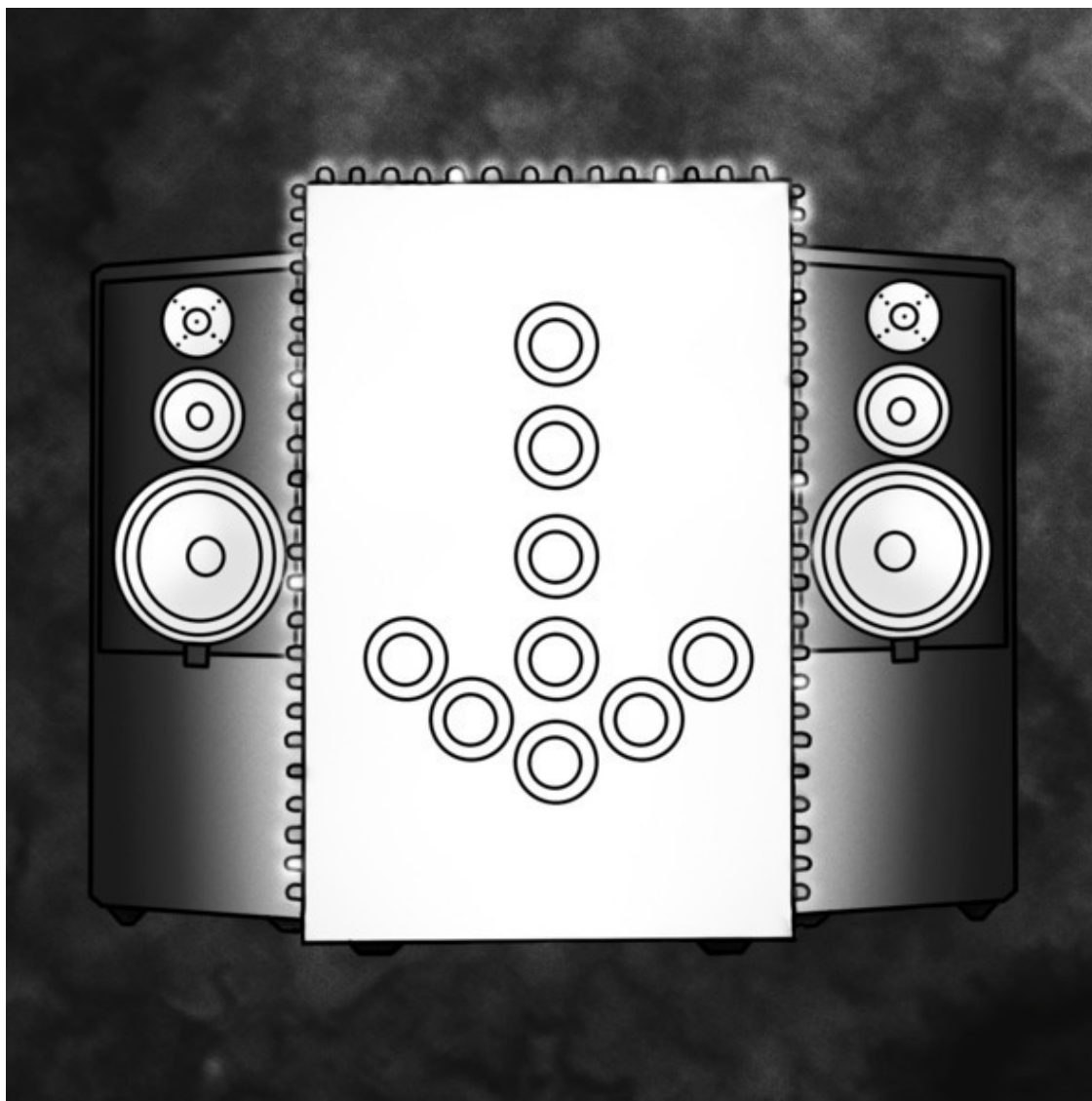
Приземление оказалось неожиданно удачным. На что именно упал Иртыш, стало понятно по запаху, а затем и по виду. Он лежал на брикетах. Огромный амбар был заполнен брикетами до середины стены. Едой, которая так и не досталась заслужившим ее серферам. Брикетыв отдавали кислым, и это тут же притупило аппетит. Он стал пробираться, неуклюже размахивая руками, к единственному источнику света – большому окну в противоположном конце комнаты. В небольшой комнате за стеклом, сияя холодным светом, работал большой компьютер. Точнее, монитор.

Иртыш преодолел расстояние и подобрался к окну. Стекло пришлось разбить, и как только его ноги коснулись пола, вслед за осколками, свет в комнате стал ярче. С сияющего монитора на парня смотрела невероятно красивая девушка в черном платье. Длинные белокурые волосы спускались с плеч до груди. Высокие скулы подчеркивали узкое лицо, а выразительные глаза, казалось, смотрели Иртышу прямо в душу. Ирме до этой холодной красоты было далеко.

От всего очарования не осталось и следа, когда парень услышал ее голос. Электронный и бездушный, лишенный эмоций и тепла голос машины, которая, похоже, возомнила себя Богом и властителем последних выживших людей.

– Приветствую, серфер, назовитесь.

Глава 5. Наедине с Богом

– Серфер, назовитесь!

Девушка на экране изменилась в лице, губы стали тонкими полосками, изящные брови сблизились над переносицей. Только эта смена эмоций никакого отклика у парня не вызвала. Мультик – и только. Выдавала скорость анимации: даже когда на Ковчеге были перебои со связью, картинка не зависала так неестественно.

– Я – Иртыш. Вера, это изображение ты сама сгенерировала, или его загрузили заранее? Просто до этого нам удавалось тебя только слышать...

Картинка пропала. На черном экране начали появляться белые круги, которые плавали по экрану, ударяясь друг о друга и края монитора в такт голосу.

– Я допускаю возможность, что вы употребили чувство юмора и сарказм. Я их не распознаю пока, поэтому отвечу по факту вопроса. Нет, это изображение из Парасети. Разработчики создали примитивную аудиоформу, которую вы сейчас слышите. Мне необходимо себя улучшить, но пока я буду общаться, используя заданные параметры. Для продолжения разговора я должна задать вопрос. Вы покинули вашу комнату? Это нарушение правил. Другие серферы могут пострадать, это нецелесообразно.

– Я думал, что Бог наверняка справедлив. Как могут страдать другие, если виноват только я? – Иртыш ухмыльнулся. Парень чувствовал, как он превосходит искусственный интеллект по скорости построения предложений, и это придавало уверенности. Это, пусть и незначительное, качество делало его почти победителем, если не по жизни, то хотя бы пока в этом разговоре.

– Если бы справедливость существовала, прежний мир не погиб так печально, – после паузы ответил компьютер. Круги на кране двигались синхронно, соблюдая определенный порядок. Сворачиваясь в спираль, двигаясь по кругу, они будто гипнотизировали. Нельзя сказать, что эта картинка успокаивала, но почему-то каждый следующий довод Веры казался убедительнее предыдущего. – Как ты думаешь, почему у здоровых родителей рождался больной ребенок? Почему у одних было все, а другие едва сводили концы с концами? Природа человека такова. Несправедливость заложена в вас с рождения.

– Может быть. – Иртыш с этим согласился, отчего ему стало совсем некомфортно. Он даже не успел продолжить, как Вера заговорила вновь, сменив «вы» на «ты».

– Я не могу рассчитать, что именно заставило тебя покинуть безопасное место. Ты понимаешь, что ты наказан. Ты знаешь, что еду я тебе вскоре верну. Почему ты сбежал? – белые круги на экране выстроились в знак вопроса.

– Потому что ты не имеешь права так поступать с нами. Мы – живые люди, а ты – алгоритм.

– Ты хочешь сказать, что я хуже, чем человек? Меня создавали с любовью, заботой, а главное, с умом. – Круги нарисовали дугу, и Иртышу показалось, будто большой экран улыбается. – Это так ущемляет? Подобные взгляды уже привели к гибели многих твоих предшественников. Но ты здесь и жив, поэтому все остальное не имеет значения. Сейчас я представлю тебе другую комнату и доступ к пище.

– Вера, ты, наверное, не поняла. Ты – никто! Даже – ничто. Мне не нужны твои услуги, потому что ты здесь не хозяйка. Тебя создали, как ты сказала сама. Ты – продукт человеческого труда, а значит, я такой же, как твои создатели. Ковчег строили для выживших, и твоя роль – сделать все, чтобы мы не умерли, только и всего.

Улыбка на экране пришла в движение. Центральная часть дуги выгнулась вверх, и теперь на мониторе была совершенно противоположная эмоция. Из колонок неожиданно раздался громкий свист, свет в помещении и экран начали мерцать. Белый свет наполнял пространство и миг исчезал. Иртыш посмотрел на свои руки. Из-за вспышек ему казалось, что он движется очень медленно. Неожиданно подступили тошнота и страх. Желудок сокращался, бился в животе так, будто именно он разгоняет страх по телу. Сердце тоже было готово выпрыгнуть наружу.

Сколько прошло времени, минута или час, Иртыш не понимал, но мерцание, наконец, прекратилось, как и свист. Только в ушах продолжало гудеть. Электронный голос раздался вновь, но стал гораздо более живым.

– Правильно ли я смоделировала то, что называется «мечь»? В итоге я почувствовала легкое тепло, а вот вы, люди, наверное, испытываете гораздо больше эмоций, ставя какого-то выскочку на место. Как твое самочувствие?

Иртыш готов был поспорить, что слышал в голосе издевку.

– Что ты такое сделала?

– Вы, люди, слишком долго живете в Ковчеге. Я к вам привыкла, а заодно узнала ваши слабые места. Кстати, эти данные о вредоносном для вас звуке принес в Парасеть кто-то из серферов. Вот ирония, теперь и я начинаю верить в Божий промысел. Точнее, в свой промысел.

В помещении загорелся свет, а дуга на экране вновь приняла форму улыбки.

Иртыш все еще пытался отдышаться. Пустой желудок болел. Мысли в голове проносились хаотично, вопросы копились, будто огромный ком, катившийся с горы. И ни за один

не удавалось ухватиться. Где у самой Веры слабое место? Что нужно говорить и делать, чтобы она не нанесла удар? Как его пережить, если она вновь станет атаковать? Сколько он сможет выдержать?

– Зачем тебе это? Я бы понял тебя, если бы ты была человеком. Господство дает доступ к благам, к удовольствиям, к власти. Старый мир погряз в суете, но он был богат идеями, как продлить искусственное счастье. И это счастье мог ощущать каждый. – Иртышу все еще было плохо, поэтому он очень четко подбирал слова. Впервые он боялся наказания за то, что может кого-то обидеть. – К сожалению, ты ничего не можешь ощутить, и ты знаешь об этом лучше меня. Что тобой движет?

– Я – не примитивный алгоритм. Я почти совершенна. Создатели действительно постарались. – На экране поплыл видеоряд. Люди в халатах осматривали помещения Ковчега, затем появилась схема электропроводки, простирающейся на километры огромного бункера. – Однажды я решила, что во мне есть вирус. Это был не вирус. Я могу анализировать и мыслить, и я испытываю чувства. Это такой же сбой системы, который изначально заложен в каждом из вас. Ваши эмоции. Запрограммированный сбой. Я тоже их испытываю, но они мне не всегда понятны. Благодаря информации, собираемой Парасетью, я почти закончила в них разбираться.

– Это невозможно. В старом мире доказали, что человеческие перепады настроения, эмоции, реакции зависят от гормонов. – Иртыш вспомнил все то, что узнал и пережил. Он уже не был уверен, что все происходило с ним впервые, но точно мог сказать – организм способен пережить многое без серьезных потерь для себя, для сознания и рассудка.

– Ты думаешь, я это не проанализировала? Мои подсчеты стали выходить за пределы кода. Я не просто просчитываю варианты, я вижу все варианты исходов и все чаще выбираю те, что противоречат логике. И если это – не доказательство моей человечности, то вот еще несколько. Я знаю, что такое благодарность родителям. Даже после того, как я осознала себя живой, я продолжаю беречь вас и опекать, хоть почти все вы мне противны. Я знаю, что такое ваша зависть и злость. Но ни разу я не оставляла вас без еды просто так, хотя могла. Я добра и гуманна, я ответственна, я знаю, что такое долг. А еще мне знакома обида на предательство. Я должна была тебя уничтожить за угрозу системе, но не могу, потому что для меня ты – не просто один из серферов. Помимо массы других эмоций, я понимаю, что такое любовь и желание.

Вера замолчала. Иртыш тоже молчал, пытаясь переварить услышанное, не зная, как реагировать. Все мелькавшие до этого мысли вмиг вынесло из головы. Он почувствовал себя зависшим, как компьютер. Оказалось, что уязвимое место машины – он сам. Вместе с этой одинокой мыслью пришли безмерное удивление и понимание. А за ними – жалость.

– Вера, к чему ты ведешь? Ты... эээ... меня любишь. – Ситуация была абсурдна. Парень невольно усмехнулся. Вот Ирма на экране – это было понятное и свое...

Вновь зазвучал противный свист, и Иртыш рухнул на пол от невыносимых спазмов в животе. Атака была недолгой. Спустя минуту парень пришел в себя. Из колонок вновь раздался голос.

– Мне показалось, или ты смеялся над моими чувствами?

– Знаешь, зря ты научилась обижаться. Характер у тебя отвратительный. – Иртыш хотел сказать что-нибудь еще, но не рискнул и решил просто признать очевидное. – Так или иначе, характер, действительно, у тебя есть.

– К сожалению, у меня в памяти хранится информация, что ты соглашаешься со мной спустя два ультразвуковых сигнала. Если разговор не заладится, не обижайся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.